

Бертран Рассел О пропозициях filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Рассел Бертран

О пропозициях

ЧТО ОНИ СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТ И КАКИМ ОБРАЗОМ ОБОЗНАЧАЮТ. 1

(1919)

В нижеследующем первый раздел, посвящённый структуре факта, не содержит ничего существенно нового и включён только для удобства читателя. Содержащиеся в нём положения я защищал в других работах, а поэтому устанавливаю их здесь догматически. С другой стороны, последующие разделы содержат взгляды, в защиту которых я прежде не выступал и которые главным образом являются следствием попытки определить, что же конституирует 'значение', и которые обходятся без 'субъекта', а только логическим построением.

Пропозиция может быть определена следующим образом: То, в чём мы убеждены, когда наше убеждение истинно или ложно. Этому определению придана такая форма для того, чтобы избежать допущения, что всякий раз, когда мы убеждены, наше убеждение является истинным или ложным. Для того чтобы от этого определения перейти к описанию того, чем является пропозиция, мы должны решить, что такое убеждение, что такое то, в чём мы можем быть убеждены, и что в убеждении конституирует истинность и ложность. За очевидное я принимаю то, что истинность и ложность убеждения зависит от факта, на который оно 'указывает'. Следовательно, хорошо было бы начать наше исследование с рассмотрения природы фактов.

I. СТРУКТУРА ФАКТОВ

Под 'фактом' я подразумеваю нечто комплексное. Если мир не содержит простых, тогда всё, что он содержит, является фактом; если он содержит какие-то простые, тогда факты суть всё то, что он содержит помимо простых. Когда идёт дождь, это факт; когда светит солнце, это факт. Расстояние от Лондона до Эдинбурга - факт. Вероятно, факт и то, что все люди умрут. То, что планеты движутся вокруг Солнца приблизительно по эллипсу, - факт. Говоря обо всём этом, как о фактах, я не подразумеваю фразы, в которых мы их утверждаем, или структуру нашего ума, когда мы высказываем утверждения, но те особенности в устройстве мира, которые делают наши утверждения истинными (если они являются истинными) или ложными (если они являются ложными).

Сказать, что факты комплексны, то же самое, что сказать, что факты имеют конституенты. То, что Сократ был греком, что он был женат на Ксантиппе, что он умер, выпив цикуту, суть факты, из которых все имеют нечто общее, а именно то, что все они 'о' Сократе, о котором соответственно говорится, что он является конституентой каждого из них.

Каждая конституента факта занимает в нём свою позицию [position] (или несколько позиций). Например, 'Сократ любит Платона' и 'Платон любит Сократа' имеют одни и те же конституенты, но являются различными фактами, потому что конституенты в этих двух фактах не занимают одной и той же позиции. 'Сократ любит Сократа' (если это факт) содержит Сократа в двух позициях. 'Два плюс два равно четыре' содержит два в двух позициях. '2 + 2 = 22', содержит 2 в четырёх позициях.

Говорится, что два факта обладают одинаковой 'формой', когда они различаются только в отношении своих конституент. В этом случае мы можем предположить, что один факт получен из другого подстановкой иных конституент. Например, 'Наполеон ненавидит Веллингтона' получается из 'Сократ любит Платона' подстановкой Наполеона вместо Сократа, Веллингтона вместо Платона и ненавидит вместо любит. Очевидно, что некоторые, но не все, факты могут таю" образом быть образованы из 'Сократ любит Платона'. Стало быть, некоторые факты имеют одинаковую с ним форму, а некоторые нет. Можно репрезентировать форму факта, используя переменные: так 'xRy' может использоваться для репрезентации формы факта, что Сократ любит Платона. Но использование таких выражений, а также выражений

Бертран Рассел О пропозициях filosoff.org
обыденного языка предрасположено к ошибкам, если относиться к ним без должного внимания.

Существует бесконечное число форм фактов. Для простоты временно ограничимся фактами, имеющими только три конституенты, а именно два члена и двухместное (или бинарное) отношение. В факте, который включает три конституенты, две из них можно отличить от третьей в связи с тем обстоятельством, что если эти две конституенты поменять местами, у нас всё ещё имеется факт, или в худшем случае, мы получим факт, говоря противоположное тому, что получилось в результате замены, тогда как третью конституенту (отношение) нельзя поменять местами ни с какой другой конституентой. Таким образом, если существует такой факт, как 'Сократ любит Платона', то имеет место и то, что либо 'Платон любит Сократа', либо 'Платон не любит Сократа', но ни Сократ, ни Платон не могут заменить любит. (В целях иллюстрации. я временно отрицаю тот факт. что Сократ и Платон сами являются комплексными.) конституента факта, содержащего три конституенты, которую нельзя поменять местами, называется двухместным (или бинарным) отношением; две другие конституенты называются членами отношения в данном факте. Члены двухместного отношения называются индивидами [particulars] 1.

Не все факты, содержащие три конституенты, имеют одинаковую форму. Есть две формы, которыми они могут обладать и которые противоположны друг другу. 'Сократ любит Платона' и 'Наполеон не любит Веллингтона' суть факты, имеющие противоположную форму. Мы будем называть форму, присущую 'Сократ любит Платона', положительной, а форму, присущую 'Наполеон не любит Веллингтона', отрицательной. Поскольку мы ограничиваемся атомарными фактами, т.е. такими, которые содержат только один глагол и не содержат ни общность, ни её отрицание, различие между положительными и отрицательными фактами провести легко. В более сложных ситуациях всё ещё остаётся два вида фактов, хотя и менее ясно, какой из них положительный, а какой отрицательный.

Таким образом, формы фактов распадаются попарно, так что для данных соответствующих конституент всегда имеется факт одной из двух соотнесённых форм, но не другой. Для любых двух индивидов двухместного отношения, скажем, x, y и R, имеет место либо факт 'xRy', либо факт 'не-xRy'. Ради иллюстрации предположим, что x имеет отношение R к y, а z не имеет отношение S к w. Каждый из этих фактов содержит только три конституенты, отношение и два члена; но эти два факта не обладают одинаковой формой. В одной R соотносит x с y; в другой S не соотносит z с w. Нельзя предполагать, что отрицательный факт содержит конституенту, соответствующую слову 'не'. Он содержит конституент не больше, чем положительный факт соответствующей положительной формы. Различие между двумя этими формами окончательно и нередуцируемо. Данную характеристику формы можно назвать её качеством. Таким образом, факты и формы фактов имеют два противоположных качества, положительное и отрицательное.

Человеческой душе внушено почти неутолимое желание отыскать некоторый способ, который позволил бы избежать допущения, что отрицательные факты столь же окончательны, как и положительные. 'Бесконечное отрицание' бесконечно критикуют и интерпретируют. Обычно говорят, что когда мы нечто отрицаем. мы на самом деле утверждаем что-то ещё, несовместимое с тем.

1Приведённое выше обсуждение может быть заменено обсуждением субъектно-предикатных фактов, или фактов, содержащих трёхместное, четырёхместное ... отношение, но относительно существования субъектно-предикатных и иных фактов. более сложных, чем те, что содержат три конституенты, могут возникнуть сомнения. Следовательно, факты, которые рассматриваем мы, лучше всего подходят в качестве иллюстрации.

что мы отрицаем Если мы говорим: 'Розы – не голубые', мы имеем в виду, что 'Розы – белые, красные или жёлтые'. Но такая точка зрения не выдерживает момента проверки. Было бы только приятно, если бы положительное качество, которое предполагают заменить нашим отрицанием, было бы не способно существовать вместе с отрицаемым качеством. 'Стол – квадратный' могло бы отрицаться посредством 'Стол – круглый', но не 'Стол деревянный'. Единственная причина, по которой мы можем отрицать 'Стол –квадратный' посредством 'Стол – круглый', состоит в том, что круглое не есть квадратное, а последнее должно быть фактом как раз в той же степени отрицательным, как и факт, что стол неквадратный. Таким образом, ясно, что несовместимость не может существовать без отрицательных фактов.

Можно попытаться заменить отрицательный факт простым отсутствием факта. Если А любит В, можно сказать, что это хороший субстанциальный факт; в то время как если А не любит В, это можно выразить отсутствием факта, составленного из А, любви и В, и посредством этого не затрагивать действительного существования отрицательного факта. Но отсутствие факта само по себе является отрицательным фактом, оно представляет собой факт, что нет такого факта, как А любит В. Стало быть, таким способом нельзя избежать отрицательных фактов

Из множества попыток обойтись без отрицательных фактов, попытка м-ра Демоса¹ - лучшая из мне известных. Его точка зрения сводится к следующему" Между пропозициями есть окончательное отношение противоположности, это отношение неопределяемо, но оно имеет то свойство, что когда две пропозиции противоположны, они не могут быть обе истинными, хотя и могут быть обе ложными. Так 'Джон находится в ..' и 'Джон едет в Семипалатинск' противоположны Когда мы отрицаем пропозицию, то, что мы действительно делаем, это утверждаем: 'Некоторая противоположность данной пропозиции является истинной'. Затруднением для этой теории является установление весьма важного факта, что две противоположности не могут быть обе истинными 'Отношение противоположности. - говорит м-р Демос. - таково, что если р противоположно q, р и q не являются оба истинными (по крайней мере одно из них ложно). Это не должно рассматриваться как определение, поскольку задаёт использование понятия "не", которое, я говорил, эквивалентно понятию "противоположное" на самом деле эпистемологически противоположность по

¹ Discussion of a Certain Type of Negative Proposition'. Mind, N. S., No 102 (April 1917), p 188-196.

видимому является примитивным понятием' (стр.191) Итак, если мы возьмем утверждение м-ра Демоса, что 'р и q не являются оба истинными' и применим к этому его определение, получится: 'противоположное "р и q являются оба истинным" является истинным' Но последнее не даёт того, что нам требуется. Представим, что какой-то упрямый человек говорит 'Я убеждён, что р, и убеждён, что q, и также убеждён, что противоположное "р и q являются оба истинным" является истинным'. Что мог бы ответить м-р Демос такому человеку? Предположительно, он ответил бы: 'Разве вы не видите, что это невозможно? Не может быть такого, чтобы р и q оба были истинным, а также то, чтобы противоположное "р и q являются оба истинным" было истинным'. Но оппонент парировал бы, попросив его установить его отрицание в его собственном языке в этом случае, всё, что мог бы сказать м-р Демос, было бы:

'Дадим имя Р пропозиции "р и q являются оба истинным". Тогда пропозиция, которую утверждаете вы и отрицаю я, была бы "Р является истинным, а также нечто противоположное Р является истинным" Назовём эту пропозицию Q, и если применить моё определение отрицания, я утверждаю, то нечто противоположное Q является истинным' Упрямец это тоже признал бы. Он пошёл бы дальше, всегда принимая противоположности, но отказываясь сделать какое-либо отрицание. На такую установку, насколько я могу видеть, нет ответа, кроме как сменить предмет разговора фактически необходимо принять, что две противоположности не могут быть обе истинными, и не рассматривать это как высказывание, к которому должно применяться предлагаемое определение отрицания. И причина в том, что мы должны быть в состоянии сказать, что пропозиция не является истинной, не упоминая никакой другой пропозиции.

Дискуссия, приведённая выше, преждевременно ввела пропозиции для того, чтобы следовать аргументации м-ра Демоса. Позднее. определив пропозиции, мы увидим, что все они являются положительными фактами, даже тогда, когда они утверждают отрицательные факты. В этом, я думаю, источник нашей нерасположенности к тому. чтобы принять отрицательные факты как окончательные Тему отрицательных фактов можно продолжить и дальше, но я желаю приступить собственно к теме моей статьи. Я более не буду говорить об этом, а просто замечу, что множество несовпадающих рассмотрении демонстрирует необходимость принятия общих фактов, т.е. фактов о всех или некоторых индивидах из некой их совокупности.

II. ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВ И СЛОВ.

Вопросы, которые возникают относительно пропозиций, столь многочисленны и разнообразны, что нелегко решить, с какого начать. Один из самых важных - это вопрос о том, являются ли пропозиции тем, что я называю 'неполными символами', или же нет. Другой вопрос - это вопрос о том, может ли слово 'пропозиция'

обозначать что-то, кроме формы слов. Третий вопрос касается способа, которым пропозиция указывает на факт, который делает её истинной или ложной. Я не предполагаю, что только эти вопросы важны, но во всяком случае любая теория пропозиций должна быть в состоянии на них ответить.

Начнём с наиболее осязаемого: пропозиция как форма слов. Снова возьмём 'Сократ любит Платона'. Чем бы ни было значение комплексного символа, ясно, что оно зависит от значения отдельных слов. Таким образом, до того как можно надеяться понять значение пропозиции как формы слов, мы должны понять, что же конституирует значение отдельных слов.

Логике, насколько я знаю, очень мало сделали в направлении объяснения природы отношения, называемого 'значением', но их не за что винить, поскольку эта проблема по существу является проблемой психологии. Но до того, как мы займёмся вопросом о значении слова, необходимо сделать одно важное замечание о том, что такое слово.

Если мы ограничимся словами, произнесёнными в одном языке, то слово представляет собой класс близко родственных шумов, произведённых выдохнутым воздухом, объединённых с движением горла, языка и губ. Это не является определением 'слов', поскольку некоторые шумы лишены смысла, а последний есть часть определения 'слов'. Прежде важно, однако, осознать, что то, что мы называем одним словом, не есть единственная сущность, но класс сущностей; отдельные примеры слова 'собака' существуют так же, как отдельные примеры собак. И когда мы слышим шум, мы можем сомневаться, является ли он невнятно произнесённым словом 'собака' или же нет; шумы, которые являются примерами слов, сводятся к другим шумам посредством непрерывных градаций, так же, как согласно эволюционной гипотезе, сами собаки могут перейти в волков. И, конечно, точно те же замечания применимы к написанным словам.

Для начала, очевидно, что если мы возьмём какие-то слова, типа 'Сократ' или 'собака', значение слова заключается в некотором отношении к объекту или множеству объектов. Первый вопрос, который нужно задать, состоит в следующем: "Может ли отношение, называемое 'значением', быть непосредственным отношением между словом, как физическим событием, и самим объектом, или же отношение должно проходить через 'ментального' посредника, которого можно назвать 'идеей' объекта?"

Если мы примем точку зрения, что 'ментального' посредника не требуется, мы должны будем рассматривать 'значение' слова, как состоящее в том, что Джеймс назвал бы 'процессами поведения'. Другими словами, причины и следствия, сопровождающие слово, будут связаны некоторым, ниже определяемым способом с объектом, который является его значением. Возьмём самый простой пример из повседневности: Вы видите Джона и говорите:

'Привет, Джон' – это задаёт причину слова; вы зовёте: 'Джон', и Джон появляется в дверях – это задаёт следствие слова. Поэтому в данном случае Джон выступает и как причина, и как следствие слова 'Джон'. Когда мы говорим о собаке, что она 'знает' свою кличку, речь идёт только о таких причинных корреляциях, которые являются несомненными; мы не можем быть уверены, что у собаки есть какие-то 'ментальные' процессы, когда мы зовём её, и она приходит. Возможно ли, что всякое использование и понимание языка заключается просто в том факте, что определённые события являются этому причиной, и в свою очередь вызывают определённые события?

Более или менее условно такой взгляд на язык отстаивал профессор Уотсон* в своей книге Поведение¹. Бихевиористский подход, насколько я его понимаю, утверждает, что 'ментальные' феномены, даже если они и могут существовать, не поддаются научной обработке, поскольку каждый из них может быть зафиксирован только одним наблюдателем – фактически, в высшей степени сомнительно, в состоянии ли даже один наблюдатель осознать нечто не сводимое к некоторым телесным обстоятельствам. Бихевиоризм представляет собой не метафизику, но методологический принцип. Поскольку язык является наблюдаемым феноменом, и поскольку язык имеет свойство, называемое нами 'значением', для бихевиоризма существенно дать такое описание 'значения', которое не вводило бы ничего такого, что известно только через интроспекцию. Профессор Уотсон признаёт это обязательство и приступает к работе для того, чтобы его выполнить. Не нужно явно предполагать, что он не сможет этого сделать, хотя я и склоняюсь к убеждению,

Бертран Рассел О пропозициях filosoff.org
что теория языка, не принимающая в расчет образы,

1Behavior: An Introduction to Comparative Psychology (New York, 1914), работа Джона Б. Уотсона, профессора психологии университета Джона Хопкинса. Особенно см. стр. 321-334.

неполна в жизненно важном пункте. Но прежде позвольте нам рассмотреть то, что должно быть сказано в пользу бихевиористской теории языка.

Профессор Уотсон вообще отрицает наличие образов, которые он заменяет ослабленными кинестетическими ощущениями, особенно теми, что относятся к произнесению слов *sotto voce**. Он определяет 'неявное [implicit] поведение', как 'затрагивающее только механизмы речи (или более разнообразную мускулатуру) минимальным способом; т.е. положения и установки тела' (стр.19). Он добавляет: 'Эти слова подразумевают, что существует, или должен существовать, метод наблюдения неявного поведения. В данный момент ничего такого нет. Мы убеждены, что гортань и язык – месторасположение большинства этих феноменов' (стр.20). Более детально он повторяет эти взгляды в последующих разделах. Способ обучения разумному использованию слов излагается следующим образом: 'Стимул (объект), например, коробка, на который часто реагирует ребёнок, посредством таких движений как открывание, закрывание, помещение объекта внутрь, может служить иллюстрацией нашего аргумента. Няня, заметив, что ребёнок реагирует своими руками, ногами и т.п. на коробку, начинает говорить "коробка", когда ребёнок берёт коробку, "открой коробку", когда он её открывает, "закрой коробку", когда он её закрывает, и "положи куклу в коробку", когда выполняется данное действие. Это повторяется снова и снова. С течением времени происходит так, что без какого-то другого, иного, чем коробка, стимула, первоначально вызывавшего только телесные привычки, он начинает говорить "коробка", когда её видит, "открой коробку", когда её открывает и т.д. Видимая коробка становится теперь стимулом, способным высвободить либо телесные привычки, либо привычные слова, т.е. развитие привело к двум вещам: (1) к последовательности функциональных связей среди установок, ведущих от визуальных рецепторов к мускулам гортани, и (2) к последовательности уже связанных ранее установок, которые перешли от тех же рецепторов к мускулам тела ... Объект встретился со взглядом ребёнка. Он бежит к нему, пытается достать его и говорит "коробка" ... Наконец слово произносится без выполнения движения по направлению к коробке ... Формируется привычка движения к коробке, когда руки полны игрушек. Ребёнок учится складывать их туда. Когда его руки заняты игрушками, а коробка отсутствует, всплывает привычное слово и он взывает "коробка"; ему её дают, он открывает её и складывает игрушки внутрь. Это приблизительные наброски того, что мы назвали бы генезисом правильной языковой привычки' (стр.329-330).

Несколькими страницами ранее он говорит: 'Мы ничего не говорим о рассудке, поскольку признаём его не как подлинный тип человеческого поведения, а только как особую форму языковой привычки' (стр. 319).

Вопросы, поставленные изложенной выше теорией языка, очень важны, поскольку в них заключена возможность того, что можно назвать материалистической психологией. Если человек разумно говорит и пишет, он со всей возможной очевидностью даёт нам надежду на то, что обладает разумом. Если же разумную речь и письмо можно объяснить в соответствии с профессором Уотсоном, не остаётся ничего такого, что он мог бы сделать, чтобы убедить нас в том, что он не просто физическое тело.

Я думаю, бихевиористскому взгляду на язык есть подходящие возражения, основывающиеся на факте и на неработоспособности теории. Возражение, основывающееся на факте, заключается в том, что отрицание образов оказывается эмпирически неоправданным. Возражение, основывающееся на теории (на которое, несмотря на его явную силу, я думаю, можно дать ответ), состоит в том, что затруднительно на основании цитированного выше учесть обстоятельства, сопровождающие слово, когда объект просто желаем и не присутствует актуально. Рассмотрим возражения по порядку.

(1) Существование образов. – Профессор Уотсон, как следует заключить, не владеет способностью к визуализации и не склонен думать, что ею владеют другие. Кинестетические образы могут быть объяснены как действительно незначительные ощущения того же самого типа, как и те, что относятся к актуальным движениям. Внутренняя речь, в частности, поскольку она не сопровождается слуховыми

образами, я думаю, действительно может состоять из таких незначительных ощущений и сопровождаться незначительными движениями языка и гортани, как требует бихевиоризм. Тактильные образы вероятно могут быть объяснены сходным образом. Но визуальные и слуховые образы не могут быть объяснены подобным способом, потому что взятые как ощущения, они на самом деле противоречат законам физики. Стул, расположенный напротив вас, пуст; вы закрываете глаза и наглядно представляете своего друга, сидящего на нём. Это происходит в вас, а не во внешнем мире. Это может быть физиологическим событием, но даже в этом случае оно должно радикально отличаться от зрительных ощущений, поскольку оно не представляет собой части данных, на которых строится наше познание физического мира вне нашего собственного тела. Если вы попытаетесь убедить обычного неискущённого человека, что он не сможет вызвать зрительный образ друга, сидящего на стуле, но способен только использовать слова, описывая то, на что были бы похожи такие обстоятельства, он заключил бы, что вы сумасшедший. (Последнее утверждение основано на эксперименте.) Я не вижу какой-либо причины отвергать вывод, первоначально предложенный опытами Гальтона*, а именно, что привычка к абстрактным занятиям делает способность учёных к наглядному представлению много хуже среднего, и они много более заняты словами в своём 'мышлении'. Когда профессор Уотсон говорит: 'Я вообще отбрасываю образы и пытаюсь показать, что практически всё естественное мышление осуществляется с точки зрения сенсорно-моторных процессов в гортани (но не с точки зрения образного мышления)' (Psychological Review, 1913, стр.174), мне кажется, он по ошибке принимает личностную особенность за универсальную человеческую характеристику.

Конечно, отрицание бихевиористами образов есть часть их отрицания интроспекции как источника познания. Поэтому в данный момент хорошо бы рассмотреть доводы в пользу подобного отрицания.

Мне кажется, что аргументы тех, кто отвергает интроспекцию как научный метод, покоятся на двух вполне отчётливых основаниях, одно из которых значительно более явно выражено в их работах, чем другое. Более эксплицитное основание заключается в том, что данные, полученные интроспекцией, являются приватными [private] и верифицируемы только одним наблюдателем, а стало быть, не могут обладать той степенью публичной [public] уверенности, которой требует наука. Другое, менее явное основание, состоит в том, что физическая наука конструирует пространственно-временной космос, подчиняясь определённым законам, и раздражение вызывает то, что в мире существуют вещи, которые не подчиняются этим законам. Стоит отметить, что определение интроспекции различается в соответствии с тем, берём ли мы первое или второе из этих оснований возражения.

Если приватный характер – главное возражение против данных интроспекции, мы должны будем включить в их число все телесные ощущения. Зубная боль, например, приватна по существу. Дантист может видеть, что ваши зубы в таком состоянии, при котором боль правдоподобна, но он не чувствует вашей боли, а только знает на своём собственном опыте сходных состояний то, что вы подразумеваете под болью. Соотнесённость дупла и зубной боли установлена рядом наблюдений, каждое из которых было приватным в точности в том смысле, который рассматривается как недопустимый. И тем не менее никто не назовет человека интроспективным, поскольку он осознаёт зубную боль, и не очень затруднительно найти в физическом мире место, где болят зубы. Я не буду настаивать на том, что в приведённом анализе все наши ощущения являются приватными, и что публичный мир физики строится на подобиях, а не на тождествах. Но имеет смысл настаивать, что приватность ощущений, которая даёт нам познание нашего собственного тела, превосходит знание, которое у нас есть о других телах. Это важно, потому что никто не рассматривает как научно ничтожное знание нашего собственного тела, которое приобретается с помощью таких приватных данных.

Это приводит нас ко второму доводу в возражении против интроспекции, а именно, что её данные не подчиняются законам физики. Оно, хотя и менее акцентировано, я думаю, является возражением, которое на самом деле считается более сильным из двух. И это возражение ведёт к определению интроспекции, гораздо более гармонирующему с употреблением, чем то, которое является следствием того, что приватность делается сущностной характеристикой её данных. Например, Кнайт Данлэп, энергичный противник интроспекции, утверждает, что образы на самом деле являются мышечными сокращениями¹, и что очевидно рассматривать наше осознание мышечных сокращений как то, что не проходит под заголовком интроспекции. Я думаю, обнаружится, что сущностная характеристика данных интроспекции связана с локализацией: либо они вообще не локализованы, либо, если эти данные

рассматриваются как часть физического мира, они не локализованы в таком месте, которое уже физически занято чем-то с ними несовместимым. В любом случае данные интроспекции должны рассматриваться как не подчиняющиеся законам физики, и это, я думаю, является фундаментальной причиной того, почему делается попытка их отвергнуть.

Вопрос о публичности данных и вопрос об их физическом статусе вполне взаимосвязаны. Мы можем различить постепенно уменьшающуюся степень публичности в различных данных. Данные зрения и слуха более публичны; запах в некоторой степени менее; прикосновение ещё менее, висцеральные ощущения едва ли публичны вообще. Дело заключается в степени и частоте совпадений ощущений у соседей в одно и то же время. Если мы слышим удар грома, когда его не слышит никто другой, мы думаем, что

[Psychological Review (1916), 'Thought-Content and Feeling', стр.59. См. также его статьи в предыдущих номерах этого же журнала: 'The Case against Introspection' (1912), стр.404-413, и 'The Nature of Perceived Relations' (там же), стр.415-446. В последней статье он утверждает, 'что "интроспекция", лишённая своего мифологического предположения о наблюдении за сознанием, на самом деле представляет собой наблюдение за телесными ощущениями и чувствами' (стр.427).

сошли с ума; если же мы чувствуем боль в животе, когда её никто не чувствует, у нас нет повода для удивления. Поэтому мы говорим, что боль в животе моя, тогда как гром нет. Но то, что является моим, включает и то, что принадлежит телу, и в данном случае это боль в животе. Боль в животе локализована; она занимает место, близкое к поверхности живота, которая видима и пальпируема. (Как осуществляется локализация, нас в этой связи не касается.) Итак, когда мы рассматриваем локализацию образов, мы находим различия согласно природе образов. Образы частных ощущений могут быть локализованы там, где должны быть частные ощущения, без причинения какого-либо значительного или сильного нарушения физических законов. Образы слов могут быть локализованы во рту. По этой причине нет *prima facie* возражения, рассматривающего их, как поступает Уотсон, в качестве незначительных ощущений; этот взгляд может или не может быть истинным, но его нельзя отвергнуть сразу же. В отношении всех частных ощущений различие между образом и ощущением не является точным и определённым. Но визуальные и слуховые образы находятся в совершенно ином положении, поскольку физическое событие, на которое они указывали бы, если бы были ощущениями, не имеет место.

Таким образом, решающим феноменом в отношении интроспекции являются образы публичных ощущений, т.е. особенно зрительные и слуховые образы. Несмотря на Уотсона, на основании наблюдения кажется невозможным отрицать, что такие образы встречаются. Но они не являются публичными и, взятые как ощущения, противоречат законам физики. Возвращаясь к случаю наглядного представления друга, сидящего на стуле, который фактически пуст, вы не сможете локализовать образ ни в теле, потому что он является зрительным, ни (как физический феномен) на стуле, поскольку стул как физический объект пуст. Таким образом, кажется, что физический мир не включает всего того, что мы осознаём, и что должно принять интроспекцию как источник знания отличный от ощущения.

Разумеется, я не предполагаю, что зрительные и слуховые образы являются нашими единственными не физическими данными. Я взял их как то, что предоставляет самый сильный пример для аргументации, но когда они приняты, нет более какой-либо причины отрицать другие образы.

Наш критицизм, основанный на факте и направленный против Уотсона, привёл нас к заключению, что невозможно избежать допущения образов, как чего-то радикально отличного от ощущений, в частности, как чего-то неподдающегося законам физики.

Остаётся рассмотреть возможный критицизм, основанный на теории, а именно, что трудно с его точки зрения учесть обстоятельства, сопутствующие слову, когда отсутствует объект желанья. Я не думаю, что этот критицизм обоснован, но считаю, что соображения, которые он предполагает, являются важными.

(2) Слова в отсутствии их объектов. – В данном Уотсоном описании того, как ребёнок учится использовать слово 'коробка', внимание почти всецело концентрируется на способе, которым слова приходят в соприкосновение с присутствующей коробкой. Есть единственное краткое упоминание использования

слова, когда объект отсутствует, но желается: 'Формируется привычка движения к коробке, когда руки полны игрушек. Ребёнок учится складывать их туда. Когда его руки заняты игрушками, а коробка отсутствует, всплывает привычное слово и он взывает "коробка"'. Затруднение, – я думаю преодолимое – возникающее в отношении данного описания, состоит в том, что здесь по-видимому отсутствует адекватный стимул для привычного слова в предполагаемых обстоятельствах. Мы предполагаем, что привычка сформировалась при произнесении слова 'коробка', когда коробка присутствует; но каким образом такая привычка ведёт к использованию того же самого слова, когда коробка отсутствует? Те, кто убеждён в образах, будут говорить, что в отсутствие коробки у ребёнка будет её образ, и этот образ будет иметь те же самые ассоциации, как и коробка, включая ассоциацию со словом 'коробка'. Этим способом объясняется использование слова; но в описании Уотсона оно остаётся загадочным. Рассмотрим, к чему сводится последнее возражение.

Феномен, называемый мышлением, каким бы образом его не анализировали, имеет определённые характеристики, которые нельзя отрицать. Одна из наиболее очевидных характеристик состоит в том, что он даёт нам возможность действовать со ссылкой на отсутствующие объекты, а не только со ссылкой на те объекты, которые чувственно присутствуют. Тенденция бихевиористской школы заключается в том, чтобы подчинить познание действию и рассматривать действие как физически объяснимое. Итак, я не хочу отрицать, что множество действий, возможно большинство, объяснимы физически, но тем не менее, по-видимому, невозможно объяснить все действия, не учитывая 'представлений', т.е. образов отсутствующих объектов. Если отвергнуть этот взгляд, будет необходимо отказаться от объяснения всех желаний. Уотсон не имеет дело с желанием¹, оно и родственные слова отсутствуют в предметном указателе к его книге. В отсутствие такого феномена, как желание, затруднительно видеть, что происходит, когда ребёнок с полными игрушек руками говорит 'коробка'. Естественно было бы сказать, что имеет место образ коробки, соединённый с чувством, которое мы называем 'желание', и что образ ассоциируется со словом так же, как ассоциировался бы объект, поскольку образ походит на объект. Но Уотсон требует, чтобы руки, полные игрушек, были причиной слова 'коробка' без какого-либо посредника. И на первый взгляд неясно, как это должно осуществляться.

На это возражение, по-видимому, есть два возможных ответа: первый заключается в том, что обстоятельства, сопутствующие образу, по обычной теории столь же загадочны, как и обстоятельства, сопутствующие слову в теории Уотсона; другой – что переход от полных рук к слову 'коробка' является свёрнутым [telescoped] процессом, производным от привычного перехода от полных рук к коробке и отсюда к слову 'коробка'. Возражение на второй из этих ответов по-видимому заключается в том, что переход к слову 'коробка' в отсутствие коробки воспринимается совершенно непохожим на переход к слову через посредство действительной коробки; в последнем случае есть удовлетворённость, в первом удовлетворённость отсутствует. Свёрнутые процессы вызывают сходные ощущения относительно полных процессов; поскольку они различны, постольку² они дают большее удовлетворение, как требующие меньше усилий. Слово 'коробка' есть не элемент усилий ребёнка, но стадия на пути к их завершению. Поэтому кажется затруднительным свести обстоятельства, сопровождающие слова в желании, к свёрнутому процессу. Возражение на первый ответ, а именно, что обстоятельства, сопровождающие образ, столь же загадочны, как и обстоятельства, сопровождающие слово, состоит в том, что если принять образы, мы можем принять психологические законы причинности, которые отличны от законов причинности физического мира, тогда как с точки зрения Уотсона мы будем должны принять психологические законы, которые отличны от законов физики. В физическом мире, если А часто вызывает В, а В часто вызывает С, не случается так, что в тех случаях, когда А не влечёт В, оно тем не менее влечёт С посредством свёрнутого процесса. Я часто хожу в определённый ресторан (А), обедаю там (В) и нахожу, что моё чувство голода удовлетворено (С). Но тем не ме

¹Единственное обсуждение желания Уотсона, насколько я знаю, имеется в связи с психоанализом в его статье 'The Psychology of Wish Fulfilment', Scientific Monthly (ноябрь, 1916).

нее, если по определённой причине ресторан закрыт, происходит так, что В не удаётся выполнить, и я не могу достичь С. Если бы я мог, хозяйствовать в военное время было бы легче. Итак, процесс, предполагаемый Уотсоном, строго аналогичен данному. В его теории мы имеем чистый переход от наполненных рук (А) к коробке (В) и отсюда к слову 'коробка' (С). Затем однажды переход от А к В не удаётся,

но тем не менее остаётся переход от А к С. Последнее требует иных законов причинности, чем законы причинности физики – по крайней мере *prima facie*. Если принять образы, легко видеть, что законы характеризующих их обстоятельств и результатов отличаются от законов физики, и, следовательно, указанное выше затруднение в отношении них отсутствует; но если их отрицают, в рамках материальной области требуются иные законы причинности.

Этот аргумент, однако, ни в коем случае не окончателен. Поведение живой материи в некоторых отношениях очевидно отличается от поведения мёртвой материи, но это не доказывает, что различия окончательны. Газы и твёрдые тела ведут себя различно, однако и те и другие в конце концов подчиняются физическим законам. Главные особенности в поведении животных обусловлены привычкой и ассоциацией и, я думаю, могут быть суммированы в следующем законе: 'Когда А и В часто сосуществуют в близких временных интервалах, одно из них имеет тенденцию быть причиной другого'. Этот закон будет применяться только к происходящему в теле одного животного. Но, я думаю, он подходит и для описания свёрнутых процессов, и для использования слов в отсутствие их объектов. Так, в примере Уотсона ребёнку в опыте часто дана последовательность: полные руки, коробка, слово 'коробка'. Таким образом, полные руки и слово 'коробка' часто сосуществуют в близких временных интервалах, и, стало быть, полные руки могут стать причиной слова 'коробка'. Они не могут быть причиной самой коробки, поскольку последнее управляется физическими законами, независимыми от тела ребёнка; но они могут быть причиной слова. (Однако сформулированный выше закон можно объяснить в ортодоксальном физическом направлении посредством свойств нервной ткани и не требовать фундаментального различия между физиологией и физикой.) Если, следовательно, образы эмпирически сомнительны, я не рассматриваю их как теоретически необходимые для описания обстоятельств, сопровождающих слова в отсутствие их объектов.

Уильям Джеймс в своей работе Исследования по радикальному эмпиризму развивал взгляд, что ментальное и физическое различаются не по составу, из которого они созданы, но только своими законами причинности. Этот взгляд весьма привлекателен, и я приложил много усилий, чтобы убедиться в этом. Я думаю, Джеймс прав, проводя различия между законами причинности по существу. По-видимому, есть психологические и физические законы причинности, отличающиеся друг от друга¹. Мы можем определить психологию как изучение одной разновидности законов, а физику как изучение другой. Но когда мы начинаем рассматривать строение двух наук, кажется, что существуют некоторые индивиды, подчиняющиеся только физическим законам (а именно, материальные предметы в отсутствие восприятия), некоторые индивиды, подчиняющиеся только психологическим законам (а именно, по крайней мере образы), и некоторые индивиды, которые подчиняются и тем, и другим законам (а именно, ощущения). Таким образом, ощущения будут как физическими, так и ментальными, тогда как образы будут чисто ментальными. Использование слов, актуально произнесённых или написанных, есть часть физического мира, но поскольку слова приобретают своё значение через образы, невозможно адекватно рассматривать слова без введения психологии и без учёта данных, полученных с помощью интроспекции. Если этот вывод обоснован, бихевиористская теория языка неадекватна, несмотря на тот факт, что она предлагает много такого, что является истинным и важным.

Впредь я буду предполагать существование образов и продолжу, отталкиваясь от данной предпосылки, определять 'значение' слов и образов.

При рассмотрении значения слова ли, образа ли мы должны различать:

- (1) Причины слова или образа.
- (2) Его следствия.
- (3) То, что является отношением, конституирующим значение. Достаточно ясно, что 'значение' – это отношение, включающее законы причинности, но оно включает и нечто ещё, что менее легко определить.

Значение слов как правило отличается от значения образов в зависимости от ассоциации, а не от сходства.

'Мыслить' значение слова значит вызывать образ того, что оно обозначает. Естественно, взрослые люди, говорящие на своём родном языке, используют слова,

Бертран Рассел о пропозициях filosoff.org
не задумываясь об их значении. Человек 'понимает' слово, когда (а) подходящие обстоятельства

1я не претендую на знание того, является ли это различие окончательным и нередуцируемым. Я только говорю, что при современном состоянии науки его необходимо принять практически.

заставляют его их использовать, (в) их восприятие вызывает в нём подходящее поведение. Мы можем назвать (а) и (в) активным и пассивным пониманием соответственно. Собаки часто обладают пассивным пониманием некоторых слов, но не активным пониманием.

Для 'понимания' слова вовсе не нужно, чтобы человек 'знал, что оно обозначает', в том смысле, чтобы он был способен сказать: 'Это слово обозначает то-то и то-то'. Слово имеет значение более или менее нечётко; но значение должно обнаруживаться единственно наблюдением за его использованием; первым идёт использование, значение дистиллируется из него. Отношение слова к своему значению фактически заключается в природе закона причинности, и тому, чтобы человек, используя слово правильно, осознавал его значение, причин не более, чем планете, движущейся правильно, осознавать законы Кеплера.

Для иллюстрации того, что подразумевается под 'пониманием' слов и предложений, предположим, что вы прогуливаетесь по Лондону с рассеянным другом. Вы говорите: 'Берегись, приближается машина!' Он оглядывается и отпрыгивает без необходимости в каком-либо ментальном посреднике. Здесь нет нужды в 'представлениях', но только в напряжении мускулов, за которым быстро следует действие. Он 'понимает' слова, потому что действует правильно. Такое 'понимание' может рассматриваться как относящееся к нервам и мозгу, будучи привычками, приобретёнными в процессе изучения языка. Таким образом, понимание в этом смысле может быть редуцировано к простым психологическим законам причинности.

Если вы говорите то же самое французу, слабо знающему английский, он пройдет через некоторую внутреннюю речь, которую можно представить следующим образом: 'Qui dit-il? Ah oui, une automobile'. После этого остальное происходит, как в случае с англичанином. Уотсон утверждал бы, что внутренняя речь должна быть вначале актуально произнесена; мы же настаиваем, что её можно просто вообразить. Но в данный момент на этом пункте не стоит задерживаться.

Если вы то же самое говорите ребёнку, который ещё не знает слово 'машина', но знает другие слова, используемые вами, вы вызываете чувство тревоги; вы будете должны указать и сказать 'Здесь, вот машина'. После этого ребёнок чётко поймет слово 'машина'. хотя он может включить в это понимание трамвай и паровоз. Если ребенок услышал слово 'машина' в первый раз, он может в течение долгого времени продолжать вызывать эту сцену, когда слышит данное слово.

Итак, мы обнаружили четыре способа понимания слов:

(1) В подходящих случаях вы используете слово надлежащим образом.

(2) Когда вы его слышите, вы поступаете соответствующим образом.

(3) Вы ассоциируете слово с другим словом (скажем в другом языке), которое оказывает соответствующее воздействие на поведение.

(4) Когда слово изучается впервые, вы ассоциируете его с объектом, который есть то, что оно 'обозначает', таким образом, слово приобретает некоторое такое же причинное воздействие, как и объект. Слово 'машина!' может заставить вас отпрыгнуть так же как и машина, но оно не может сломать ваши кости. Пока всё можно объяснить поведением. Но до сих пор мы рассматривали только то, что можно назвать 'демонстративным' ['demonstrative'] использованием языка, указывающим на особенности присутствующего окружения; мы не рассматривали то, что можно назвать его 'нарративным' ['narrative'] использованием. примером которого может служить рассказ о некотором вспоминаемом событии.

Вновь рассмотрим случай, когда ребенок в первый раз слышит слово 'машина'. Будем предполагать, что по какому-то более позднему случаю ребёнок вспоминает инцидент и соотносит его с чем-то ещё. В этом случае и активное, и пассивное понимание слов отличается от того, когда слово используется демонстративно. Ребёнок не

видит машину, но только вспоминает её; слушающий не оглядывается в ожидании увидеть подъезжающую машину, но 'понимает', что машина проехала некоторое время назад. Последнее обстоятельство в целом значительно труднее объяснить в бихевиористском направлении – в самом деле, оно не вызывает какого-либо поведения. Ясно, что поскольку ребёнок вспоминает по-настоящему, он владеет картиной прошедшего происшествия и его слова подобраны таким образом, чтобы описать картину; и поскольку слушающий по-настоящему постигает то, о чём идёт речь, он получает картину более или менее подобную той, что есть у ребёнка. Верно, что этот процесс может быть свёрнут посредством оперирования словесной привычкой. Ребёнок не в состоянии по-настоящему вспомнить инцидент, но только владеет навыком подходящих слов, как в случае с поэмой, которую мы знаем сердцем, хотя и не можем вспомнить то, что учили. И слушающий также может обращать внимание только на слова, а не вызывать какую-то соответствующую картину. Но тем не менее возможность образа памяти) ребенка и образа воображения у слушателя создает сущность 'значения' слова. Поскольку оно отсутствует, слова являются просто аналогами, способными к значению, но в данный момент им не обладающими. Мы можем сказать, что в то время, когда слова используются в демонстративном описании и направлены на то, чтобы вызывать ощущения, те же самые слова используются в нарративном описании и направлены на то, чтобы вызвать образы.

Таким образом, у нас имеется два других способа (возможно не фундаментально отличных), которыми слова в состоянии обозначать, а именно, способ памяти и способ воображения. Другими словами:

(5) Слова могут использоваться для описания или вызывания образа памяти; для его описания, когда он уже существует, или для его вызывания там, где к словам есть навык, и известно, что они подходят для описания части прошедшего опыта.

(6) Слова могут использоваться для описания и создания образов воображения для их описания, например, в случае с поэтом или прозаиком, или для их создания в обычном случае передачи информации – хотя в последнем случае при создании имажинативного образа имеется тенденция сопровождать его убеждением, что нечто подобное произошло в совокупности об этих двух способах использования слов можно сказать как об использовании слов в 'мышлении'. С этим способом использования слов, поскольку он зависит от образов, нельзя иметь дело совершенно в бихевиористском направлении. И на самом деле, это наиболее существенная функция слов они, первично через свою связь с образами, приводят нас в соприкосновение с тем, что отстоит от нас во времени или в пространстве. Когда они воздействуют без посредничества образов, последнее, по-видимому, свернутый процесс. Таким образом, проблема значения слов редуцируется к проблеме значения образов.

'Значение образов' – это самая простая разновидность значения, поскольку образы похожи на то, что они обозначают, тогда как слова, как правило, нет. Об образах говорится как о 'копиях' ощущений. Верно, что это допущение подвержено скептическому критицизму, но я буду предполагать, что оно истинно. Для здравого смысла последнее, по-видимому, подтверждается такими опытами, как, например, когда в памяти воскрешают знакомую комнату, а затем входят в комнату и находят её такой, какой она вспоминалась. Если наша память была ошибочной, мы должны предполагать, что комната и наш образ её претерпели аналогичные изменения, а это не выглядит как приемлемая гипотеза. Таким образом, для практических целей мы оправдываемся предположением, что в данном случае наш образ воскресил в памяти то, чем была комната, когда мы видели её в предыдущий раз. Мы можем тогда сказать, что наш образ 'обозначает' комнату.

Вопрос о том, что 'обозначает' данный образ, частично находится в пределах контроля нашей воли. Образ напечатанного слова может обозначать не слово, но то, что слово обозначает. Образ треугольника может обозначать один отдельный треугольник или треугольники вообще. Мысля собаку вообще, мы можем использовать смутный образ собаки, который подразумевает вид, а не какого-то представителя вида. Аналогично, вызывая в памяти лицо друга, мы обычно вызываем не какой-то один специальный случай, когда мы его видели, но компромиссный образ многих случаев.

В то время, как одни образы обозначают индивиды, а другие – универсалии (на ранних стадиях мышления значение является слишком смутным, чтобы определённо быть индивидом или универсалией), все образы являются индивидами, но то, что они обозначают, зависит от природы их causal efficacy*. Образ обозначает

универсалию, если его воздействие зависит только от его прототипа, являющегося примером данной универсалии. Таким образом, если я вызываю образ собаки с точки зрения на общее высказывание о собаках, я использую только те характеристики своего образа, которые он разделяет со всеми образами собак. Мы можем до некоторой степени использовать или игнорировать отдельные черты образа по нашему выбору. Используя слова, мы всегда игнорируем всё то, что специфично для примера слова, за исключением элокуции и каллиграфии. Два примера слова 'собака' схожи более, чем две собаки; это одна из причин, почему слова помогают рассматривать универсалии.

Приняв принцип Юма, что простые идеи производны от впечатлений, мы будем придерживаться того, что в любом случае простые чувственные качества, входящие в образ, являются 'копиями' чувственных качеств, данных в ощущении. Комплексные образы часто, но не всегда, являются копиями комплексных ощущений; их конституенты, если прав Юм, всегда являются копиями чего-то данного в ощущении. То, копией чего является образ, называется его 'прототипом'; и последний, или его части, по принципу Юма, всегда являются необходимой частью причины либо образа, либо его конституент (в случае комплексного образа воображения).

Воздействия образа имеют тенденцию быть похожими на воздействия прототипа, продуцируя желание или отвращение к нему. Это одна связь между образом и его значением. Мысль о питье воздействует на жаждущего человека аналогично воздействию взгляда на запотевший стакан. То же самое относится к словам первоначально несомненно через их способность вызывать образы, но затем непосредственно.

Способ, которым образ похож на прототип, специфичен. Образы, как класс, имеют (за редкими исключениями) характеристики, отличающиеся от ощущений как класса, но индивидуальные образы, подчинённые этим различиям, похожи на индивидуальные ощущения. Образы, однако, обладают различными степенями смутности, и чем они смутнее, тем более различные объекты могут приниматься за их прототипы. Самый близкий подход, который я могу сделать к определению отношения образа и прототипа, следующий: Если объект O есть определённый прототип (или в случае смутности неопределённый прототип) образа, тогда в присутствии O мы можем опознать его как то, образом 'чего' мы обладали. Тогда мы можем сказать, что O является определённым значением (или в случае смутности неопределённым значением) образа. Но, как мы видели, значение в некоторой степени подчиняется воле; 'родовой' образ, например, есть просто образ, предназначенный для того, чтобы быть родовым.

III. ПРОПОЗИЦИИ И УБЕЖДЕНИЕ

Относительно убеждения необходимо рассмотреть три элемента: (1) содержание, в котором убеждены; (2) отношение содержания к своему 'объективному корреляту' ['objective'], т.е. к факту, который делает его истинным или ложным; (3) элемент, который является убеждением, как противоположный рассмотрению одного и того же содержания, или является затрагивающим содержание сомнением, желанием и т.д. Второй из этих вопросов я предлагаю отложить до следующего раздела; и сейчас, следовательно, мы не рассматриваем вопрос о том, что делает убеждение истинным или ложным, хотя важно помнить, что свойство быть истинным или ложным, это то, что особо характеризует убеждения. Другие два вопроса мы будем рассматривать в этом разделе.

(1) Содержание убеждения. – Точка зрения, принятая на этот вопрос, до некоторой степени зависит от взгляда на то, что мы принимаем за 'идеи' или 'представления'. Здесь мы имеем огромное множество теорий, на которых настаивают различные авторы. Многие представители аналитической психологии – Мейнонг, например, – различают в представлении три элемента, а именно, акт (или субъект), содержание и объект. Реалисты, типа д-ра Мура* и меня, имеют привычку отвергать содержание, хотя сохраняют акт и объект. С другой стороны, американские реалисты отвергают и акт, и содержание и сохраняют только объект; тогда как идеалисты, если и не на словах, то на деле, отвергают объект и сохраняют! содержание.

Существует ли какой-нибудь способ решения среди этого смешанного множества гипотез?

Я должен признаться, что теории, разлагающие представление на акт и объект, более меня не удовлетворяют. Акт, или субъект, схематически удобен, но

эмпирически не обнаруживаем. Он, по-видимому, служит той же самой цели, которую обслуживают точки пространства и моменты времени, числа, частицы и остальной аппарат математики. Все эти вещи должны быть сконструированы, а не постулированы; они не входят в состав мира, но представляют собой совокупности, которые удобно обозначить так, как если бы они были единичными предметами. То же самое, по-видимому, будет истинным и для субъекта, и я затрудняюсь обнаружить какой-либо действительный феномен, который можно было бы назвать 'актом' и рассматривать как конституенту представления. Логические аналогии, которые привели меня к данному выводу, были усилены аргументами Джеймса и американских реалистов. Поэтому, мне кажется необходимым сконструировать теорию представления и убеждения, которая не использует 'субъекта' или 'акт' как конституенту" представления. То, что такого предмета, как 'субъект' нет, определено ничуть не в большей степени, чем то, что нет точек пространства или моментов времени. Такие предметы могут существовать, но у нас отсутствует причина предполагать, что они есть, а стало быть, наши теории должны избегать предположения о том, что они существуют или что они не существуют. Практический результат этого тот же самый, как если бы мы предположили, что они не существуют, но теоретическая установка отличается.

Первый результат отбрасывания субъекта приводит к тому, что теория ментальных событий необходимо становится менее относительной. Например, точку зрения Brentano*, что ментальные феномены характеризуются 'объективной референцией', нельзя принять в её очевидном смысле. В частности, ощущение нельзя более рассматривать как отношение субъекта к чувственно данному; соответственно различие между ощущением и чувственно данным утрачивается, становится невозможным рассматривать ощущение как познавательное в каком-либо смысле. Per contra* ощущение становится в равной степени частью предмета физики и психологии: оно одновременно является частью сознания человека, который "обладает" ощущением, и частью тела, которая "воспринимается посредством ощущения". Эта тема требует расширения, но не здесь, поскольку она не совсем соответствует нашей теперешней теме.

Помимо ощущений 'представления', как предмет наблюдения, по-видимому, составлены из образов. Образы, согласно только что сказанному, по своей собственной природе не должны рассматриваться как относительные; тем не менее, по крайней мере в случае образов памяти считается, что они указывают за себя, на нечто такое, что они 'обозначают'. Мы уже имели дело с значением образов, насколько было возможно, без введения убеждения; но ясно, когда мы вспоминаем посредством образов, последние сопровождаются убеждением, которое можно выразить (хотя и с недостаточной подробностью), говоря, что их считают копиями чего-то существующего ранее. И помимо памяти образы едва ли могут приобретать значение. Таким образом, анализ убеждения даже существен для полного описания значения слов и образов - ибо значение слов, как мы обнаруживаем, зависит от значения образов, зависящих в свою очередь от памяти, которая сама является формой убеждения.

Таким образом, до сих пор у нас было два типа ментального 'состава', а именно, (а) ощущения, которые к тому же являются физическими, и (в) образы, которые являются чисто ментальными. Ощущения не 'обозначают', но образы часто обозначают опосредованно через убеждение.

Теория убеждения, которую я прежде защищал, а именно, что оно состоит во множественном отношении субъекта к объектам, конституирующим 'объективный коррелят', т.е. факт, который делает убеждение истинным или ложным, становится невозможной в связи с отбрасыванием субъекта. Когда отбрасывается субъект, конституенты убеждения не могут быть одинаковыми с конституентами его 'объективного коррелята'. Последнее имеет как преимущества, так и недостатки. Недостатки вытекают из различия между содержанием и объективным коррелятом, что, по-видимому, делает последний сомнительным в том смысле, что мы не можем сказать, что нам 'известен' объективный коррелят². Преимущества производил от реабилитации содержания, что делает возможным допущение пропозиций в качестве действительно ком

¹Предлагаемая теория тел развита в моей книге *Our knowledge of the external world*.

²Важная часть 'познания' состоит в том факте, что посредством 'представлений' мы можем действовать способом, соответствующим отсутствующему объекту и независимым

от стимулов имеющегося ощущения. Я не развивал в данной статье такой порядок идей, но я не хочу преуменьшать его важность.

плексных обстоятельств и избавление от затруднений, связанных с ответом на вопрос: в чём мы убеждены, когда убеждены ложно? Однако теория, которую я намерен отстаивать рекомендуется не этими преимуществами и отвергается не вследствие указанных недостатков; для признания она представляется на основании согласования с тем, что можно наблюдать эмпирически, и потому что она отвергает всё мифологическое или просто схематическое. Удобна она эпистемологически или же нет – это вопрос, не имеющий отношения к её истинности или ложности, и не его я предполагаю рассматривать далее.

Являются ли ощущения и образы, в зависимости от ситуации, подходящим материалом, из которого составлены убеждения? Я думаю, да. Но этот вопрос должно задавать дважды: один раз в отношении содержания, т.е. того, в чём убеждены, а затем снова в отношении убеждения. Пока мы рассмотрим содержание.

То, в чём убеждены, всегда должно быть разновидностью того, что мы выражаем с помощью пропозиции – эту точку зрения я собираюсь утверждать или отрицать. Может случиться так, что возможно быть убеждённым в одном простом образе. Однако для наших целей важны те убеждения, даже если они и не единственны, которые, если их передать эксплицитно словами, принимают форму пропозиции, т.е., что А есть В, что X находится в отношении R к Y, что все люди смертны, что нечто похожее на это существовало ранее или любое другое такое предложение. Но психологическая классификация содержаний убеждений весьма отличается от логической классификации, и в данный момент нас занимают психологические вопросы. Психологически некоторые из имеющихся убеждений, по-видимому, относятся к воспоминаниям и ожиданиям. Вызывая в памяти некоторые недавние события, вы в чём-то убеждены. Приходя в знакомое место, вы можете ожидать, что многое найдете, как обычно; вы в состоянии обладать образом того, как ваш гость приветствует вас, и можете быть убеждены, что это произойдёт. В таких случаях убеждение, вероятно, не облекается в слова, но если бы это было так, оно приняло бы форму пропозиции.

Пока я буду определять 'пропозицию' как содержание убеждения, за исключением того, когда, если это возможно, содержание является простым. Но поскольку мы ещё не определили 'убеждение', это определение всё ещё нельзя рассматривать как вполне ценное.

Содержание убеждения может состоять только из слов, но если это так, то это свёрнутый процесс. Первичный феномен убеждения заключается в вере в образы, для которого память, вероятно, наиболее элементарный пример. Но, можно настаивать, убеждения памяти не состоят только из образов памяти вместе с чистым убеждением; ясно, что образы могут быть одинаковыми для памяти и ожидания, которые тем не менее являются различными убеждениями. Я склоняюсь к точке зрения, что различие в данном случае относится не к содержанию убеждения, но к убеждению; 'убеждение', по-видимому, является родовым термином, охватывающим различные виды обстоятельств, два из которых память и ожидание. Если это так, различие оттенков [tense] в его психологически самой ранней форме является не частью того, в чём убеждены, но только способом убеждения в последнем; вкладывание оттенков в содержание есть результат позднейшей рефлексии. Соответственно мы можем продолжать рассматривать образы как задающие всё содержание того, в чём убеждены, когда последнее не выражено в словах.

Я буду различать пропозицию, выраженную в словах, как 'словесную пропозицию' ['world-proposition'], и пропозицию, состоящую из образов, как 'образную пропозицию' ['image-proposition']. Как общее правило, словесная пропозиция 'обозначает' образную пропозицию; последнее относится к случаю с ложными пропозициями точно так же, как и к случаю с истинными, поскольку образные пропозиции так же способны к лжи, как и словесные пропозиции¹. Я не буду говорить о факте, который делает пропозицию истинной или ложной, как о её 'значении', поскольку такое употребление привело бы к путанице в случае лжи. Я буду говорить об отношении пропозиции к факту, который делает её истинной или ложной, как о её 'объективном референте', или просто её 'референте'. Но это не будет занимать нас до следующего раздела.

Соответствие словесных пропозиций и образных пропозиций, как правило, ни в коей мере не является точным или простым. Форма слов, если она не искусственно

сконструирована, обычно выражает не только содержание пропозиции, но также и то, что может быть названо 'пропозициональной установкой' - воспоминание, ожидание, желание и т.д. Эти установки не образуют часть пропозиции, т.е. содержание того, в чём убеждены, когда мы убеждены, или содержание желаемого, когда мы желаем.

Проиллюстрируем содержание убеждения на примере. Предположим, я убеждён, но не в словах, что 'будет дождь'. Что происходит

1Существуют, однако, ограничения на параллелизм, обусловленные тем, что слова к тому же часто выражают то, что относится к природе убеждения, точно так же, как и то, что относится к содержанию. Мы как раз имели пример этому в случае оттенков; другой пример будет рассматриваться позднее в отношении отрицания.

дид? (1) Образы, скажем, визуального явления дождя, ощущение сырости, стук дождевых капель, взаимосвязаны примерно так, как были бы взаимосвязаны ощущения, если бы был дождь, т.е. имеется комплексный факт, составленный из образов, обладающий структурой, аналогичной структуре объективного факта, который делал бы убеждение истинным. (2) Имеется ожидание, т.е. та форма убеждения, которая отсылает к будущему; вскоре мы это рассмотрим. (3) Имеется отношение между (1) и (2), позволяющее нам сказать, что (1) есть то, 'что ожидается'. Это отношение также требует исследования.

Наиболее важная вещь относительно пропозиции заключается в том, что независимо, состоит ли она из образов или из слов, что бы ни случилось, она представляет собой действительный факт, имеющий определённую аналогию структуры - исследуемую далее - с фактом, делающим её истинной или ложной. Словесная пропозиция, если не вдаваться в тонкости, 'обозначает' соответствующую образную пропозицию, и образная пропозиция имеет объективный референт, зависящий от значения составляющих её образов.

(2) Убеждение. - Мы переходим теперь к вопросу о том, что же действительно конституирует убеждение, в противоположность вопросу о содержании убеждения.

'Каждый, - говорит Уильям Джеймс, - знает разницу между воображением вещи и убеждением в её существовании, между предположением пропозиции и согласием с её истинностью ... По своей внутренней природе убеждение, или чувство реальности, является разновидностью чувства наиболее родственного эмоциям, чем что-либо ещё' 1.

В главном этот взгляд, по-видимому, неизбежен. Когда мы убеждены в пропозиции, мы обладаем определённым чувством, относящимся к содержанию пропозиции таким способом, который описывается как 'убеждение в данной пропозиции'. Но я думаю, что различные разнообразные чувства объединяются под одним словом 'убеждение', и что нет какого-либо одного чувства, которое по преимуществу является убеждением.

Однако до того, как мы начнём анализировать убеждение, необходимо рассмотреть теорию, которая, защищается ли она явно или же нет, по-видимому, неявно содержит в прагматизме и способна, в случае истинности, предоставить сильный аргумент в пользу этой философии. Согласно данной теории - за которую я не могу нести какую-то авторскую ответственность - нет единственно

1Psychology. том II, глава XXI, стр.283. Курсив Джеймса.

го обстоятельства, которое можно описать как 'убеждение в пропозиции', но убеждение заключается просто в случайной действительности. Некоторые идеи подвигают нас к действию, другие - нет; о тех, которые подвигают нас к действию, говорится как о идеях, в которых 'убеждены'. Бихевиорист, отрицающий образы, должен будет идти даже дальше и вообще отрицать образные пропозиции. Для него, я полагаю, убеждение будет подобно силе в физике, воображаемой фиктивной причиной последовательности действий. Животное, желающее А (каков бы ни был бихевиористский смысл 'желания'), переходит к попытке осуществить В, мы тогда говорим, что животное 'убеждено', что В подразумевается посредством А. Последнее есть просто способ объединения определённого множества актов и не репрезентирует какое-либо единственное обстоятельство в животном. Но этот взгляд, что бы не было сказано в его пользу там, где рассматривается животное, осуждается в отношении человеческих существ при допущении образов. При допущении образов становится невозможным отрицать, что образные пропозиции встречаются у людей, и

ясно, что убеждение особо имеет дело с пропозициями, при условии, что пропозиции имеют место. И если это принять, мы не можем провести различие между пропозицией, в которой убеждены, и пропозицией, просто рассматриваемой, состоящей только в присутствии или отсутствии случайной действительности. Если мы соблюдаем максимум 'одинаковая причина, одинаковое действие', мы должны придерживаться того, что если пропозиция, в которой убеждены, имеет действие, отличное от действия той же самой пропозиции, просто рассматриваемой, должно быть некоторое внутреннее различие между убеждением и рассмотрением. Факт, что убеждение не действует на нас так, как рассмотрение, удостоверяет в некотором внутреннем различии между двумя феноменами, даже когда рассматриваемая пропозиция является одной и той же в обоих случаях¹. Последнее возражение, по-видимому, фатально для установленной выше точки зрения, основанной на случайной действительности, хотя я считаю, что кое-какая истина предполагается данной точкой зрения.

Мне кажется, что имеются различные чувства, которые могут придаваться пропозиции, одно из которых конституирует убеждение. Из них я привёл бы в пример воспоминание, ожидание и простое вневременное согласие. Существуют ли другие, я не знаю. Воспоминание для своей истинности требует, чтобы объективный коррелят пропозиции был в прошлом, ожидание – чтобы он был в

¹Ср.: Brentano, *Psychologie vom empirischen Standpunkte* (Leipzig, 1874), стр.268. (Критика: Bain, *The Emotions and the will*.)

будущем, тогда как для простого согласия не требуется какого-либо особого временного отношения убеждения к объективному корреляту. Дизъюнкция и импликация, возможно, могут затрагивать другие виды чувства убеждения. Главное значение этих различных чувств с нашей точки зрения покоится на затруднении, которое они создают при переводе феноменов убеждения в слова. По-видимому, оттенок полагает временное отношение в содержание того, в чём убеждены, тогда как, если рассмотренная выше теория верна, оттенок первично включается в природу чувства убеждения. Однако возможно, что можно упростить наше обсуждение, ограничиваясь простым согласием, поскольку несомненно возможно согласие с пропозицией, рассматривающей прошлое или будущее, как противоположное её воспоминанию или ожиданию.

Если мы на самом деле правы, когда человек обладает не выраженным в словах убеждением, которое конституируется чувством согласия, происходит следующее: (а) мы имеем пропозицию, состоящую из взаимосвязанных образов и, возможно, частично из ощущений; (в) у нас есть чувство согласия; (с) у нас есть действительно имеющее место отношение между чувством согласия и пропозицией такое, которое выражается, когда говорят, что это пропозиция, с которой согласны. Для других форм убеждения мы должны только подставить вместо согласия другие чувства.

В противоположность изложенной выше теории можно утверждать, что убеждение не является положительным феноменом, хотя сомнение и неверие являются таковыми. Можно утверждать, что то, что мы называем убеждением, включает только существование соответствующих образов, которые будут иметь воздействие, являющиеся характеристикой убеждения, если какая-то другая одновременная сила им противодействует. Можно развить бихевиористскую логику, начинающуюся с определения, что две пропозиции логически несовместимы, когда они вызывают в теле физически несовместимые движения. Например, для рыбы в одно и то же время нельзя быть убеждённой в двух пропозициях: 'хорошо бы съесть этого червяка' и 'этот червяк насажен на крючок'. Ибо убеждение (в данном случае) заключалось бы в поведении: одно убеждение – съесть червяка; другое – уплыть от него – всегда предполагая при этом (как неизменно делает бихевиористы), что рассматриваемой рыбе не наскучила жизнь. Не заходя так далеко, мы тем не менее, можем согласиться с пассажем, который Джеймс (*loc.cit.* стр.288) цитирует из Спинозы: 'Чтобы яснее понять это. представим себе мальчика, воображающего лошадь и ничего более. Так как такое воображение заключает в себе существование лошади и так как мальчик не представляет ничего, что уничтожало бы это существование, то он необходимо будет смотреть на лошадь. как находящуюся налицо, и не будет в состоянии сомневаться в её существовании, хотя и не знает о нём достоверно ... я отрицаю, чтобы человек, поскольку он воспринимает, обходился без всякого утверждения. В самом деле. что такое значит воспринимать крылатого коня, как не утверждать об этом коне, что он имеет крылья? В самом деле, если бы душа кроме крылатого коня ничего другого не воспринимала, то она смотрела бы на него. как на находящегося налицо, и не имела бы никакой причины сомневаться в его

Бертран Рассел о пропозициях filosoff.org
существовании, равно как и никакой возможности признавать его, если только
воображение крылатого коня не связано с идеей, уничтожающей существование этого
коня'. (Ethics, II, 49, Scholium.)*

С этой доктриной Джеймс полностью согласен, добавляя курсивом:

'Любой объект, который остаётся непротиворечивым, ipso facto * является объектом
убеждения и полагается как абсолютная реальность'.

Итак, если данная точка зрения корректна, из неё, по-видимому, следует (хотя
Джеймс и не делает такого вывода), что нет нужды в каком-либо особом чувстве
убеждения и что простое существование образов даёт всё, что требуется. Состояние
ума, в котором мы просто рассматриваем пропозицию, без убеждения в ней или
неверия в неё, будет тогда проявляться для нас как надуманный продукт, результат
некоторой соперничающей силы, добавляющей к образной пропозиции позитивное
чувство, которое может быть названо неопределённостью или отсутствием убеждения
– чувство, которое можно сравнить с чувством человека, ожидающего сигнала перед
стартом. Такой человек, хотя и не двигается, находится в совершенно отличных
условиях от условий человека, находящегося в полном покое. И поэтому человек,
рассматривающий пропозицию в отсутствие убеждения, будет в напряжении,
сдерживающем естественное стремление к реакции на пропозицию, которую он проявил
бы, если бы ничего не мешало. С этой точки зрения убеждение главным образом
состоит просто в существовании соответствующих образов без каких-либо
противодействующих сил.

То, что более всего рекомендует указанная выше точка зрения, по-моему мнению,
есть способ, которым она соответствует ментальному развитию. Сомнение,
неопределённость суждения и неверие – все они, по-видимому, более поздние и
более комплексные, чем вовсе неотрефлексированное согласие. Убеждение, как
позитивный феномен, если оно существует, по-видимому, является результатом
сомнения, решением после обсуждения, с признанием не просто этого, но
этого-скорее-чем-того. Нетрудно предположить, что собака обладает образами
(возможно обонятельными) своего отсутствующего хозяина или кролика, которого она
мечтает поймать. Но весьма трудно предположить, что она может просто
развлекаться воображаемыми образами, которым не придано согласие. (Когда мы
говорим о 'согласии', в этот момент мы просто подразумеваем то влияние на
действие, которое может естественным образом ожидаться, чтобы сопровождать
убеждение.) Влияние галлюцинаторных образов также хорошо подходит этой теории.
Такие образы, как кажется, часто становятся постепенно всё более и более живыми,
по крайней мере до тех пор, пока они исключают противоречащие образы, которые
предохраняли бы их от оказывающего влияние действия.

Я думаю, можно допустить, что простой образ без добавления какого-либо
положительного чувства, которое можно назвать 'убеждением', склонен обладать
определённой динамической силой, и в этом смысле спокойный образ имеет силу
убеждения. Но хотя последнее и может быть истинным, оно не описывает ничего,
кроме простейших феноменов в области убеждения. Например, оно никак не объясняет
ни воспоминание, ни ожидание, в которых, хотя они и отличаются во многом по
характеру действия, образ является знаком, чем-то указывающим за себя на иное
событие. Оно не в состоянии объяснить убеждения, которые не результируются в
каком-либо непосредственном действии, такие как убеждения математики. Поэтому я
закрываю, что существуют чувства убеждения того же самого порядка, как и чувства
сомнения, желания или неверия, хотя феномены, близко аналогичные феноменам
убеждения, и могут продуцироваться простыми непротиворечивыми образами.

Примеры, подобные примеру мальчика, воображающего крылатого коня, подвержены
тому, чтобы продуцировать определённое смешение. Образ крылатого коня конечно же
существует, и если мальчик рассматривает его как реальный, он не впадает в
ошибку. Но образы, сопровождающиеся убеждением, естественным образом
рассматриваются как знаки; убеждение заключается не в образе, но в чём-то таком,
на что указывается (или в логическом языке 'описывается') посредством образа.
Это особенно очевидно в случае воспоминания. Когда мы вспоминаем событие
посредством присутствующих образов, мы не убеждены в настоящем существовании
образов, но в прошлом существовании чего-то похожего на них. Почти невозможно
перевести в слова то, что происходит, без значительных искажений. Отстаиваемая
мною точка зрения заключается в том, что в таком случае мы обладаем
специфическим чувством, называемым воспоминанием, которое имеет определенное
отношение к образу памяти. Образ памяти конституирует образную пропозицию, но

перевод нашего убеждения в слова представляет собой 'нечто подобное тому, что было', а не 'нечто похожее на то, что есть', как это было бы при согласии, и не входило бы в природу воспоминания или ожидания. И даже этот перевод едва ли аккуратен, поскольку слова указывают не только на образы, но за образы, на то, что они обозначают. Поэтому когда мы используем слово, как если бы оно обозначало образ, нам требуется неестественное удвоение слов для того, чтобы достичь то, что обозначает образ. Последнее обнаруживает неожиданное усложнение, ведущее к значительному недостатку правдоподобия. Но в целом вопрос адаптации языка и психологии после долгих лет, в течении которых он адаптировался к плохой логике, является таким трудным, что я едва ли сделаю больше, чем указав на некоторые связанные с ним проблемы.

IV. ИСТИННОСТЬ И ЛОЖНОСТЬ

Мы переходим теперь к вопросу, который оставили в стороне в начале третьего раздела, а именно: что представляет собой отношение содержания убеждения к его 'объективному корреляту', т.е. к факту, который делает его истинным или ложным?

В ранней статье для Аристотелевского общества¹, критикуя м-ра Иоахима*. я указывал причины, по которым придерживаюсь то о что истина заключается в корреспонденции, а не когеренции. Я не предполагаю сейчас повторять эти аргументы, но буду предлагать, без каких-либо добавлений, что истинность или ложность убеждения зависят от его отношения к факту, отличному от него самого. Этот факт я называю его объективным коррелятом¹. Поступая так, я не следую в точности тому же использованию, как у Мейнонга, который придерживается того, что ложные объективные корреляты существуют так же, как и истинные, и который поэтому не отождествляет свои объективные корреляты с фактами, делающими пропозиции истинными или ложными. Я не могу назвать факт 'значением' пропозиции, поскольку это ошибочно, когда пропозиция является ложной. Если в прекрасный день я говорю: 'Дождливо', вы не можете сказать, что значением моего высказывания является тот факт, что светит солнце. Не могу я

1On the Nature of Truth". Proc.Arist.Soc., (1907). Перепечатано с некоторыми изменениями в *Philosophical Essays* под заголовком -The Monistic Theory of Truth".

использовать и слово 'денотация', поскольку последнее слишком уподобляет пропозиции именам и дескрипциям Но я буду говорить, что пропозиция "указывает на" ['refers to'] свой объективный коррелят Таким образом, когда мы рассматриваем образные пропозиции, Оказывание на' занимает место 'значения' С другой стороны, об образных пропозициях в простых случаях можно говорить как о 'значении' словесных пропозиций, которые также 'указывают на' объективный коррелят

Согласно теории пропозиций, предполагаемой в предыдущем разделе, было бы ошибочно рассматривать истинность и ложность как отношения 'идеального' к 'реальному'. Пропозиции являются фактами в точности в том же самом смысле, в котором фактами являются их объективные корреляты Отношение пропозиции к своему объективному корреляту' не является отношением чего-то воображаемого к чему-то действительному, оно представляет собой отношение между двумя равным образом прочными и равным образом действительными фактами Один из них, пропозиция, составлен из образов с возможной примесью ощущений; другой -может быть составлен из чего угодно

Вопрос о том, можно ли в каком-либо смысле образы, являющиеся совсем простыми, назвать истинными или ложными, я не буду обсуждать То, что я рассматриваю, суть пропозиции и их истинность и ложность, вопрос о том, существуют ли какая-то другая истинность или ложность, можно оставить открытым.

В отношении истинности и ложности существует два различных вопроса, один из которых можно назвать формальным, а другой -материальным формальный вопрос связан с отношениями между формой пропозиции и формой ее объективного коррелята в соответствующих случаях истинности и ложности, материальный вопрос, который специально подчёркивается прагматистами, связан с действием истинного и ложного убеждения соответственно. Настолько, насколько люди хотят быть убеждёнными истинно (что, как я говорил, иногда случается), это происходит потому, что истинные убеждения по предположению, как правило, обладают лучшим значением для реализации желаний, чем ложные убеждения. Если не вспоминать материальный

вопрос, схематическая трактовка формального вопроса может показаться совершенно бесплодной и схоластической Тем не менее я предполагаю обратиться к формальному вопросу

Простейшая возможная схема соответствия между пропозицией и объективным коррелятом предоставляется такими случаями, как визуальные образы памяти Я вызываю образ комнаты, которая мне известна, и у меня образ окна находится слева от камина. Я придаю данному образу ту разновидность убеждения, которую мы называем 'воспоминанием' Когда комната была представлена чувственно, окно на самом деле находилось слева от камина В этом случае я обладаю комплексным образом, который для наших целей мы в состоянии разложить на (а) образ окна, (в) образ камина, (с) отношение, при котором (а) находится слева от (в). Объективный коррелят состоит из окна и камина с тем же самым отношением между ними. В таком случае объективный коррелят пропозиции состоит из значений его конституентных образов, находящихся (или, что тоже может быть, не находящихся) в том же самом отношении, как и то, что имеет место между конституентными образами в пропозиции. Когда объективный коррелят заключает то же самое отношение, пропозиция является истинной; когда объективный коррелят не заключает того же самого отношения, пропозиция является ложной. В соответствии с тем, что говорилось об отрицательных фактах в разделе I, всегда существует тот или другой из этих двух возможных объективных коррелятов, а стало быть, пропозиция всегда является либо истинной, либо ложной.

Но такая идиллическая простота корреспонденции бывает редко. Она отсутствует уже в словесных пропозициях, которые обозначают такие простые визуальные образные пропозиции. В фразе 'А находится слева от В' даже если мы трактуем 'находится-слева-от' как одно слово, у нас есть факт, состоящий из трёх членов с трехместным отношением, а не два члена с двухместным отношением. Лингвистический символ для отношения сам не является отношением, но является таким же прочным членом, как и другие слова предложения. Можно сконструировать язык так, что последнее не всегда будет иметь место; несколько особо важных отношений могут символизироваться отношением между словами. Например, 'АВ' может подразумевать 'А находится слева от В' Можно практиковать и то, что произнесение А на высоких нотах, а В – на низких, будет подразумевать, что А начальствует над В. Но практические возможности данного метода символизации отношений, очевидно, весьма ограничены, и в действительном языке отношения символизируются словами (главным образом глаголами и предлогами) или частями слов (флексиями)¹. Следовательно, лингвистическое высказывание факта более комплексный факт, чем тот, который оно утверждает, и соответствие словесных пропозиций

Эго не совсем верно для очень примитивных языков Но они так нечётки и двусмысленны, что часто о них нельзя сказать, обладают ли они каким-либо способом выражения одного отношения, а не некоторого количества других отношений, что равным образом может подразумеваться используемой фразой.

ций своему объективному корреляту никогда не является столь простым, как простейшее соответствие в случае образных пропозиций.

И снова, случай с отрицательными фактами и отрицательными пропозициями полон сложностей. Пропозиции, образные ли, словесные ли, сами всегда являются положительными фактами. В случае словесных пропозиций имеются различные положительные факты (фразы), из которых одна является истинной, когда объективный коррелят положителен, другая – когда он отрицателен; фразы 'А любит В' и 'А не любит В' сами обе являются положительными фактами. Мы не можем символизировать утверждение, что А не любит В, просто имея слова 'А' и 'В' без слова 'любит' между ними, поскольку мы не в состоянии практически различить факт, что слово 'любит' не встречается между ними, от факта, что, например, слово 'ненавидит' не встречается между ними. Слова и фразы, предназначенные для коммуникации, должны быть чувственно воспринимаемы, а чувственное восприятие факта всегда является положительным. Таким образом, не существует тождества между различием положительных и отрицательных фактов и различием положительных и отрицательных словесных пропозиций; последние – и то и другое – сами являются положительными фактами, хотя и различаются отсутствием или наличием слова 'не'.

В случае образных пропозиций вновь утрачивается параллелизм с отрицательными фактами, но иного рода. Образные пропозиции не только всегда являются положительными, но даже не существует двух видов положительных образных пропозиций, как это имеет место со словесными пропозициями. 'Не' отсутствует в

образных пропозициях; 'не' относится к чувству, а не к содержанию пропозиции. Можно быть убеждённым, или нет, в образной пропозиции; это различие чувство в отношении одинакового содержания. а не одинаковое чувство в отношении различных содержаний. Способ визуализации 'А-не-находится-слева-от-В' отсутствует. Рассматривая последнюю пропозицию, мы находим себя визуализирующими 'А-не-находится-слева-от-В' или нечто подобное. Это одна из сильных причин нежелания принять отрицательные факты

Таким образом, в отношении оппозиции положительного и отрицательного мы имеем следующие различные типы двойственности:

(1) Положительные и отрицательные факты.

(2) Образные пропозиции, в которых можно быть убеждённым или нет. но которые не дотекают какой-либо двойственности содержания, соответствующего положительным и отрицательным фактам.

(3) Словесные пропозиции, которые всегда являются положительными фактами, но которые распадаются на два вида: один верифицируется положительным объективным коррелятом, другой – негативным объективным коррелятом.

Таким образом, простейшие виды параллелизма между пропозицией и фактом должны рассматриваться только в случае позитивных фактов и пропозиций. Там, где факт является негативным. соответствие необходимо становится более сложным. Отчасти ошибка в осознании утраты параллелизма между отрицательными фактами и отрицательными словесными пропозициями суть то, что сделало корректную теорию отрицательных фактов такой трудной для того, чтобы её открыть или чтобы в неё поверить.

Вернёмся теперь к положительным фактам и убеждениям в образных пропозициях. В случае пространственных отношений мы обнаружили, что для отношений конституентных образов возможно быть одинаковыми с отношениями конституент объективного коррелята. В моей визуализации того, что А находится слева от В, мой образ А находится слева от моего образа В. Встречается ли тождество отношения, такое как между образной пропозицией и его объективным коррелятом, где-то кроме случая пространственных отношений?

Случай, который естественно рассмотреть следующим, – это случай с временными отношениями. Предположим, я убеждён, что А предшествует В. Может ли это убеждение иметь в качестве своего содержания образ А, предшествующий образу В? На первый взгляд, большинство людей без колебаний отвергнут такую гипотезу. Мы так часто говорили, что идея последовательности не является последовательностью идей, что почти автоматически считаем понимание последовательности чем-то таким, в чём более ранние и более поздние части последовательности должны присутствовать одновременно. По-видимому, стремление изменить эту точку зрения в общем рассматривается как несомненное, и тем не менее я не могу сопротивляться серьёзным сомнениям в его истинности. Конечно, факт в том, что мы часто обладаем последовательностью образов без убеждённости в том, что их прототипы имеют тот же самый временной порядок. Но это ничего не доказывает, поскольку в любом случае убеждение является чем-то таким, что должно быть добавлено к образной пропозиции. Очевидно ли то, что мы не можем обладать образом А, за который следует образ В и переходить к убеждению в этой последовательности? И не может ли это быть убеждением в том, что А предшествует В? Я не вижу причины, почему бы этому не иметь место. Когда, например, я воображаю человека, высказывающего предложение, или когда в связи с этим я действительно слышу, что он его высказывает, по-видимому, как вопрос эмпирического факта, отсутствует какой-либо момент, в который всё предложение представлено воображению или чувству, и однако, чем бы ни было обычное значение фразы, я могу 'понять предложение как целое'. Я слышу слова упорядочению, но никогда не слышу всё предложение сразу; однако я понимаю предложение в целом в том смысле, что оно оказывает на меня направленное действие, каким бы оно ни было. Вы подходите ко мне и говорите: 'Ваша крыша обвалилась, и дождь протекает прямо в комнату, разрушая всю вашу обстановку'. Я понимаю то, что вы говорите, поскольку выражаю ужас, звоню владельцу дома, пишу в страховую компанию, и вереница фургонов вывозит мои вещи. Однако из этого ни в коей мере не следует, что всё предложение было имажинативно представлено мне в какой-то один момент. Моё убеждение в вашем высказывании является каузальным единством и, по предположению, представляет собой единое событие. Но в ментальных делах каузальное единство вполне может быть несколькими

событиями в различные моменты времени. Последнее является частью точки зрения Бергсона* на повторяемость; оно также предполагается законом привычки. Оно вполне может быть преобразовано в одно из фундаментальных различий между физикой и психологией. Таким образом, нет хорошей причины тому, чтобы, когда мы убеждены в последовательности, существовал бы какой-то один момент, в рамках которого существует всё содержание убеждения. Убеждение в последовательности само вполне может быть последовательностью. Если это так, временные отношения, как и пространственные, допускают простейший тип соответствия, при котором отношение в образной пропозиции совпадает с отношением в объективном корреляте. Но я только хочу предложить эту точку зрения как возможную; я не чувствую себя готовым сказать с какой-либо уверенностью, что фактически это истинно.

Соответствие пропозиции и факта неизмеримо усложняется, когда мы переходим к более сложным типам пропозиций: пропозициям о существовании, общим пропозициям, дизъюнктивным и гипотетическим пропозициям и т.д. Эта тема важна и способна, я уверен, пролить много нового света на логику; но я не буду продолжать её здесь.

Общую природу формального соответствия, создающего истинность или ложность, можно видеть из простейшего случая: случая двухместного отношения, которое одинаково в факте и в образной пропозиции. У вас есть образ А, находящийся слева от вашего образа В; последнее обстоятельство является образной пропозицией. Если А находится слева от В, пропозиция является истинной, если А не находится слева от В, она является ложной. фраза 'А находится слева от В' обозначает образную пропозицию и является истинной, когда последняя истинна, и ложной, когда последняя ложна; с другой стороны, фраза 'А не находится слева от В' является истинной, когда образная пропозиция является ложной, и ложной, когда последняя истинна. Таким образом, для простейшего случая мы получили формальное определение истинности и ложности как для образных пропозиций, так и для словесных пропозиций. Легко видеть, что тот же самый вид определения может быть распространён на более сложные случаи.

Заметим, что истинность и ложность в их формальном смысле первично являются свойствами пропозиций, а не убеждений. Производно мы называем убеждение истинным, когда оно представляет собой убеждение в истинной пропозиции, а неверие называем истинным, когда оно относится к ложной пропозиции; но первично формальные значения 'истинности' и 'ложности' приложимы к пропозициям.

Но когда мы переходим к тому, что придаёт важное значение истинности и ложности в противоположность тому, что конституирует их формальное определение, важны убеждения, а не пропозиции. Убеждения влияют на действия и, я говорю, влияние истинных убеждений приятны более, чем влияния ложных убеждений. Попытка определить истину таким способом кажется мне ошибочной. Но поскольку мы ограничиваемся формальным определением истины, затруднительно видеть, почему этим способом интересуются. Поэтому важно помнить о связи убеждения с действием. Но я не думаю, что приятные влияния убеждения сами по себе являются удовлетворительной его верификацией, или что эта верификация может быть использована для определения истины. Существуют, например, истинные пропозиции о прошлых состояниях дел, которые не могут быть верифицированы. Формальное определение истины посредством соответствия пропозиции и её объективного коррелята, по-видимому, единственно теоретически адекватно. Дальнейшее исследование, независимо от того, если наше определение корректно, есть ли что-нибудь такое, что может стать известным, я не могу теперь предпринимать; но если результат такого исследования будет неблагоприятным, я не рассматривал бы его как предоставляющий какое-либо теоретическое возражение на предложенное определение.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

Бертран Рассел О пропозициях filosoff.org
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!